

Карамзин Николай Михайлович

**Письма русского
путешественника**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Михайлович К.**
Письма русского путешественника / Карамзин Николай Михайлович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2024. – 110 с.

ISBN 978-5-519-88269-9

ISBN 978-5-519-88269-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВОСТУПИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

«Письма русскаго путешественника» — плодъ пребыванія Карамзина за границею, куда онъ отправился двадцатитрехлѣтнимъ молодымъ человѣкомъ (въ 1789 г.) и гдѣ пробылъ полтора года. Онъ писалъ ихъ въ Москву къ своимъ близкимъ друзьямъ Плещеевымъ, а въ послѣдствіи они появились въ печати, въ издававшемся Карамзинымъ «Московскомъ Журналѣ» (1791 и 1792 гг.).

Черезъ Петербургъ и теперешній Остзейскій край путешественникъ проѣхалъ въ Пруссію; останавливался, болѣе или менѣе долго, въ Кенигсбергѣ, Маріенбургѣ, Данцигѣ, Берлинѣ; въ этомъ послѣднемъ городѣ пробылъ около десяти дней. Въ Саксоніи вниманіе его привлекъ главнымъ образомъ, конечно, Дрезденъ, гдѣ онъ внимательно осмат-

ривалъ знаменитую картинную галерею и др. художественныя собранія; въ Лейпцигѣ, бывшемъ въ ту пору пріютомъ нѣмецкой учености, онъ знакомился съ профессорами, слушалъ лекціи, посѣщалъ библіотеки и т. п. Изъ Лейпцига онъ проѣхалъ въ Веймаръ, бывший тогда средоточіемъ нѣмецкой поэзіи и заключавшій въ своихъ стѣнахъ такихъ писателей, какъ Гете, Гердеръ, Виландъ: съ двумя послѣдними Карамзинъ видѣлся нѣсколько разъ. Затѣмъ слѣдовали: Эрфуртъ, Гота, Франкфуртъ на Майнѣ, Мангеймъ, Страсбургъ—и отсюда, черезъ Эльзасъ, нашъ путешественникъ проѣхалъ въ Швейцарію, куда сильно влекли его тѣ свойства этой страны и ея народа, которыя такъ краснорѣчиво описаны въ приводимыхъ ниже письмахъ. Здѣсь болѣе продолжительное время прожилъ онъ въ Базелѣ и Цюрихѣ (въ этомъ послѣднемъ городѣ особою приманкою для него служилъ Лафатеръ), Бернѣ, Лозаннѣ, Женевѣ, наслаждаясь красотами природы и тѣми предметами и личностями, которыя давали болѣе или менѣе обильную пищу его умственнымъ требованіямъ. Слѣдующая за Швейцаріею страна была Франція, обозрѣніе которой Карамзинъ началъ съ Ліона, со-

блюдая и здѣсь обыкновенную свою программу знакомства съ мѣстностями. 27 марта 1790 г. онъ вѣхалъ въ Парижъ, въ которомъ пробылъ три мѣсяца и которому посвятилъ большое количество писемъ. Оттуда, черезъ Калэ и Дувръ, Карамзинъ переѣхалъ въ Англію, или, собственно говоря, въ Лондонъ, такъ какъ все время онъ провелъ въ этомъ городѣ. Изъ Англіи моремъ онъ возвратился въ отечество.

«Письма русскаго путешественника» составляютъ довольно объемистый томъ, заключающій въ себѣ 152 письма, изъ коихъ одни обширны, другія ограничиваются нѣсколькими строками. Въ настоящемъ изданіи собраны наиболѣе характеристическія изъ нихъ, могущія въ сложности дать очень опредѣлительное понятіе о «сентиментализмѣ» Карамзина, лежащемъ въ основѣ чуть ли не всѣхъ его произведеній, о степени его образованія, о его литературныхъ и художественныхъ познаніяхъ и воззрѣніяхъ и т. п. Исключены нами, сообразно плану нашего изданія, тѣ письма, которыя, во 1-хъ, трактуютъ о предметахъ, не представляющихъ для насъ, особенно въ настоящее время, никакого интереса по ихъ незначительности

или специальности; во 2-хъ, ограничиваются простымъ перечнемъ предметовъ (какъ, напр., въ описаніи Дрезденской галлерей); въ 3-хъ, посвящены предметамъ, недоступнымъ для пониманія тѣхъ читателей нашихъ, для которыхъ специально предназначено наше изданіе (напр., описаніе свиданія съ философомъ Кантомъ, съ Боннетомъ и т. п.).

При перепечатываніи писемъ, намъ очень хотѣлось сохранить правописаніе автора, что было бы особенно интересно для учащихся; но неимѣніе, къ сожалѣнію, такого изданія «Писемъ» Карамзина, которое могло бы послужить непогрѣшимымъ въ этомъ отношеніи образцомъ, заставило насъ отказаться отъ этого намѣренія.

Что касается до значенія и достоинства «Писемъ», то, по плану нашего изданія, все это находится въ «Критическихъ Замѣткахъ», помѣщенныхъ въ концѣ книги.

ПИСЬМА РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Тверь, 18 мая 1789.

Разстался я съ вами, милые, разстался! Сердце мое привязано къ вамъ всѣми нѣжнѣйшими своими чувствами, а я безпрестанно отъ васъ удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь?

Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія! Не въ восторгѣ ли сказалъ я самому себѣ: наконецъ ты поѣдешь? Не въ радости ли просыпался всякое утро? Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ, думая: ты поѣдешь? Сколько времени не могъ ни о чемъ думать, ничѣмъ заниматься, кромѣ путешествія? Не считалъ ли дней и часовъ? Но когда пришелъ желаемый день, я сталъ грустить, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало разстаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ составъ нравственнаго бытія моего. На что ни смотрѣлъ—на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои; на окно, подъ которымъ сиживалъ я, при-

торюнившись, въ припадкахъ своей меланхоліи, и гдѣ такъ часто заставало меня восходящее солнце; на готическій домъ, любезный предметъ глазъ моихъ въ часы ночные; однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоцѣннымъ памятникомъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но за то мыслями и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я, какъ съ друзьями; и въ самое то время, какъ былъ размягченъ, растроганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забылъ ихъ и взялъ опять къ себѣ, когда возвращусь. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало разстаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорить забывалъ. Но что вамъ сказывать!.. Минута, въ которую мы прощались, была такова, что тысячи пріятныхъ минутъ въ будущемъ едва ли мнѣ за нее заплачутъ.

Милый Птрв. провожалъ меня до заставы. Тамъ обнялись мы съ нимъ, и еще въ первый разъ видѣлъ я слезы его; тамъ сѣлъ я въ кибитку, взглянулъ на Москву, гдѣ оставалось для меня столько любезнаго, и сказалъ: прости! Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались... и другъ вашъ осиротѣлъ въ мірѣ, осиротѣлъ въ душѣ своей!

Все прошедшее есть сонъ и тѣнь... Ахъ! гдѣ, гдѣ часы, въ которые такъ хорошо бывало сердцу моему посреди васъ, милые? Если бы человѣку, самому благополучному, вдругъ открылось будущее, то замерло бы сердце

его отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ бы въ самую ту минуту, въ которую онъ думалъ назвать себя счастливымъ изъ смертныхъ!..

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли; а на послѣдней станціи къ Твери грусть моя такъ усилилась, что я, въ деревенскомъ трактирѣ, стоя передъ карриатурами королевы французской и римскаго императора, хотѣлъ бы, какъ говорить Шекспиръ, выплакать сердце свое. Такъ-то все, оставленное мною, явилось мнѣ въ такомъ трогательномъ видѣ. — Но полно, полно! Мнѣ опять становится чрезмѣрно грустно. Простите! Дай Богъ вамъ утѣшеній! Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства!

Курляндская вѣрча, 17 іюня 1789.

...Еще не успѣлъ я окончить письма къ вамъ, любезнѣйшіе друзья, какъ лошади были впряжены, и трактирщикъ пришелъ сказать мнѣ, что черезъ полчаса запрутъ городскія ворота. Надобно было дописать письмо, расплатиться, укласть чемоданъ и приказать кое-что Ильѣ.

Наконецъ все было готово, и мы выѣхали изъ воротъ.

Начинало смеркаться. Вечеръ былъ тихъ и прохладенъ. Я заснулъ крѣпкимъ сномъ молодаго путешественника и не чувствовалъ, какъ прошла ночь. Восходящее солнце разбудило меня лучами своими; мы приближались къ заставѣ, маленькому домику съ рогаткою...

Мы вѣхали въ Курляндію — и мысль, что я уже внѣ отечества, производила въ душѣ моей удивительное дѣй-

ствіе. На все, что попадалось мнѣ въ глаза, смотрѣлъ я съ отмѣннымъ вниманіемъ, хотя предметы сами по себѣ, были весьма обыкновенны. Я чувствовалъ такую радость, какой со времени нашей разлуки, милые! еще не чувствовалъ.

Скоро открылась Митава. Видъ сего города не красивъ, но для меня былъ привлекателенъ! Вотъ первый иностранный городъ, думалъ я—и глаза мои искали чего нибудь отмѣннаго, новаго...

Онъ великъ, но не хорошъ. Дома почти всѣ маленькіе, и довольно неопрятны, улицы узки и худо вымощены; садовъ и пустырей много.

Выѣхавъ изъ Митавы, увидѣлъ я пріятнѣйшія мѣста. Сія земля гораздо лучше Лифляндіи, которую не жаль проѣхать, зажмурясь.

Отѣхавъ пять миль, остановились мы почевать въ корчмѣ. Дворъ хорошо покрытъ; комнаты довольно чисты, и въ каждой готова постеля для путешественниковъ.

Вечеръ пріятенъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ корчмы течетъ чистая рѣка. Берегъ покрытъ мягкой зеленою травою и осѣненъ въ иныхъ мѣстахъ густыми деревьями; Я отказался отъ ужина, вышелъ на берегъ и вспомнилъ одинъ московскій вечеръ, въ который, гуляя съ Пт. подъ Андроньевымъ монастыремъ, съ отмѣннымъ удовольствіемъ смотрѣли мы на заходящее солнце. Думалъ я тогда, что ровно черезъ годъ буду наслаждаться пріятностями вечера въ курляндской корчмѣ? Еще другая мысль пришла мнѣ въ голову. Нѣкогда началъ было я писать романъ и хотѣлъ въ воображеніи объѣздить точно тѣ земли,

въ которыя теперь ѣду. Въ мысленномъ путешествіи, выѣхавъ изъ Россіи, остановился я ночевать въ корчмѣ: и въ дѣйствительномъ тоже случилось. Но въ романѣ писалъ я, что вечеръ былъ самый ненастный, что дождь не оставилъ на мнѣ сухой питки, и что въ корчмѣ надлежало мнѣ сушиться передъ каминомъ; а на дѣлѣ вечеръ выдался самый тихій и ясный. Сей первый ночлегъ былъ несчастливъ для романа: боясь, чтобы ненастное время не продолжилось и не обезпокоило меня въ моемъ путешествіи, сжегъ я его въ печи, въ благословенномъ своемъ жилищѣ на Чистыхъ Прудахъ... Я легъ на травѣ подъ деревомъ, вынулъ изъ кармана записную книжку, чернильницу и перо, и написалъ то, что вы теперь читали.

Между тѣмъ вышли на берегъ два нѣмца, которые въ особливой кибиткѣ ѣдутъ съ нами до Кенигсберга; легли подлѣ меня на травѣ, закурили трубки и отъ скуки начали бранить русскій народъ. Я, переставъ писать, хладнокровно спросилъ у нихъ, были ли они въ Россіи далѣе Риги?—Нѣтъ, отвѣчали они. «А когда такъ, государи мои, сказалъ я, то вы не можете судить о русскихъ, побывавъ только въ пограничномъ городѣ». Они не разсудили за благо спорить, но долго не хотѣли признать меня русскимъ, воображая, что мы не умѣемъ говорить иностранными языками. Разговоръ продолжался. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, что онъ имѣлъ счастье быть въ Голландіи и скопилъ тамъ много полезныхъ знаній. «Кто хочетъ узнать свѣтъ, говорилъ онъ, тому надобно ѣхать въ Роттердамъ. Тамъ-то живутъ славно, и всѣ гуляютъ на шлюпкахъ! Нигдѣ не увидишь того, что тамъ увидишь. По-

вѣрьте мнѣ, государь мой, что въ Роттердамѣ я сдѣлался человѣкомъ!» — Хорошъ гусь! думалъ я — и пожелалъ имъ добраго вечера.

Берлинъ, 2-го іюля 1789.

Давно уже не былъ я такъ пріятно растроганъ, какъ нынѣ въ театрѣ. Представляли драму «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», сочиненную господиномъ Коцебу, ревельскимъ жителемъ¹⁾. Авторъ осмѣлился вывести на сцену невѣрную жену, которая, забывъ мужа и дѣтей, ушла съ другимъ; но она мила, несчастлива — и я плакалъ какъ ребенокъ, не думая осуждать сочинителя. Сколько бываетъ въ свѣтѣ подобныхъ исторій!.. Коцебу знаетъ сердце. Жаль только, что онъ въ одно время заставляетъ зрителей и плакать и смѣяться! Жаль, что не имѣетъ вкуса или не хочетъ его слушаться! Послѣдняя сцена въ піесѣ несравненна. Г. Флекъ играетъ роль мужа съ такимъ чувствомъ, что каждое слово его доходитъ до сердца. По крайней мѣрѣ я еще не видывалъ такого актера. Въ немъ соединены великія природныя дарованія съ великимъ искусствомъ. Г-жа Унцельманъ представляетъ жену очень трогательно. Въ игрѣ ея обнаруживается какая-то нѣжная томность, которая дѣлаетъ ее любезною для зрителя. Я думаю, что у нѣмцевъ не было бы такихъ актеровъ, если бы не было у нихъ Лессинга, Гете, Шиллера и другихъ драматическихъ авторовъ, которые съ такою живостію представляютъ въ драмахъ своихъ человѣка, каковъ онъ есть, отвергая всѣ излишнія украшенія, или французскія румяны, которыя человѣку съ естественнымъ вкусомъ не могутъ быть